

New York Times bestseller

Жизнеландия

огромный мир
глазами вязальщицы

Клара Паркс

Handmade life story. Книги о жизни и о любви

Клара Паркс

**Книтландия. Огромный
мир глазами вязальщицы**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Паркс К.

Книтландия. Огромный мир глазами вязальщицы / К. Паркс — «Эксмо», 2016 — (Handmade life story. Книги о жизни и о любви)

ISBN 978-5-04-110889-2

Этот вдохновляющий и остроумный бестселлер New York Times от знаменитой вязальщицы и писательницы Клары Паркс приглашает читателя в яркие и незабываемые путешествия по всему миру. И не налегке, а со спицами в руках и с любовью к пряже в сердце! 17 невероятных маршрутов, начиная от фьордов Исландии и заканчивая крохотным магазинчиком пряжи в 13-м округе Парижа. Все это мы увидим глазами женщины, умудренной опытом и невероятно стильной, беззаботной и любознательной, наделенной редким чувством юмора и проницательным взглядом, умеющей подмечать самые характерные черты людей, событий и мест. Известная не только своими литературными трудами, но и выступлениями по телевидению, Клара не просто рассказывает нам личную историю, но и позволяет погрузиться в увлекательный мир вязания, знакомит с американским и мировым вязальным сообществом, приглашает на самые знаковые мероприятия, раскрывает секреты производства пряжи и тайные способы добычи вязальных узоров. Иногда это настолько захватывающе, что затмевает любой детектив. Шотландия, Исландия, Франция, Америка – поклонники ручного творчества, вязальщицы, дизайнеры и просто люди творческие, несомненно, оценят это увлекательное путешествие и захотят его повторить!

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110889-2

© Паркс К., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

В путь	7
В погоне за легендой в Таосе	10
От бейсбола до Бродвея	17
Бойкие клубочки и крутые тачки	21
Нагая лопи	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клара Паркс Книтландия

Clara Parkes

Knitlandia: A Knitter Sees the World

© 2016 Clara Parkes

© Парнюк Л. В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Последние десять лет Клара Паркс практически каждые две недели либо приезжала в какой-нибудь город, либо уезжала из него. Глаза и уши (и пальцы) вязального мира – она повидала много чего.

В «Книтландии» она увлекает читателей в незабываемые путешествия – большие и малые – из фьордов Исландии в уютный магазин пряжи в 13-м округе Парижа, из шумной прядильной фабрики в Таосе на фестиваль в Эдинбурге.

С присущими ей красноречием и юмором Паркс искусно прядет нить повествования – личного, но в то же время универсального – о самой сути, о том, что значит быть вязальщицей.

В путь

Когда мне было шесть лет, мы с мамой как-то ездили в магазин за продуктами. По возвращении она не стала возиться с дверью гаража, а просто припарковалась на подъездной дорожке и ушла в дом, оставив меня дремать в машине, как обычно. Проснувшись, я отстегнула ремень безопасности и пошла домой обедать. Через несколько минут в нашу дверь постучал человек в форме и сказал: «Ваша машина горит».

Столб дыма поднимался над тем, что было нашим надежным минивэном VW Bus. Как нам пояснили, скорее всего, лопнул топливный шланг, и бензин, попав на все еще горячий двигатель, воспламенился. Все четыре шины расплавились, а стекла разлетелись на миллион мелких осколков. Можно было бы подумать, что этот опыт полностью отвалил меня от автомобилей. Как ни странно, произошло наоборот. Это лишь усилило мое желание путешествовать, словно реальная опасность заключается в том, чтобы остановиться на одном месте. Мое детство прошло в грандиозных поездках, в приключенческих путешествиях на старых автомобилях по всей Америке, в играх в слова и в подсчетах номерных знаков машин. После развода мама перевезла нас в Тусон, где мы открыли для себя более простые способы побега. Иногда по выходным, так и не дождавшись звонка от очередного бойфренда, она бормотала проклятия, и все грузились в машину. Опустив стекла, мы мчались за закатом по Восточному бульвару Спидвей, пока уличные фонари и тротуары не уступали место бесплодной пустыне и длинным теням кактусов сагуаро.

Извилистая дорога вела вверх, вверх, вверх, и вдруг резкий поворот выводил нас прямо к перевалу Гейтс Пасс. Впереди открывался бескрайний пейзаж. Потом мы спускались с горы в безжизненную пустыню. Подыскивали местечко и съезжали на обочину. Как только стихал шум автомобиля, наступала оглушительная тишина пустыни. По мере того как наши глаза привыкали к темноте, в небе постепенно проявлялся настоящий сверкающий город огней. Мама обычно лежала на капоте машины, а мы с братьями, как гремучие змеи, предпочитали тепло асфальта пустой дороги.

Запах пустыни был сладким и экзотичным. Лежа на земле, я видела над собой только звезды. Казалось, того и гляди, гравитация повернется вспять и небо поглотит меня. И я полечу вверх, вверх, вверх, в космос.

В конце концов мама окликала нас, и мы возвращались в машину. Стоило лишь миновать перевал, и огни Тусона снова мерцали впереди, как драгоценные камни на черном бархате, зовя нас домой. Обычно мы не уезжали далеко от города, но даже такое короткое путешествие, всего лишь за перевал, удовлетворяло мою потребность в странствиях.

Моей первой настоящей работой после колледжа стало создание путевых очерков для издательства еще в эпоху до появления интернета. На самом деле и я, и мои коллеги-авторы редко куда-то ездили. Мы обзванивали всякие конторы и брали интервью у людей, которые понятия не имели, что у них берут интервью. Шерстили разные источники, работали с внештатными сотрудниками на местах и умудрялись собирать всю самую свежую и оригинальную информацию. Настоящие профессионалы в написании коротких отзывов. Мы с моим коллегой Джоном Пинсоном даже получили премию от Общества американских авторов путевых очерков. Шел 1995 год.

Когда эта работа изжила себя, я сосредоточила свои усилия в области высоких технологий и стала уже по-настоящему ездить в командировки. Перемещаясь из конференц-центров в конгресс-центры крупных сетевых отелей, из актового зала обратно в аэропорт, освещала мероприятия с такими названиями, как «Базы данных» и «Мир Клиент-Сервер» или «Экспо БД». Я участвовала в брифингах с вице-президентами высокотехнологичных компаний, каждую секунду ловя себя на мысли, что надо сматываться, пока они не поняли, как мало я разбираюсь в этих вопросах.

Еще работая в сфере высоких технологий, я запустила свой онлайн-журнал по вязанию Knitter's Review. Это был 2000 год. Я захотела стать глазами и пальцами для вязальщиц как раз в такое время, когда мир резко наполнился новой пряжей, инструментами, книгами, гаджетами и интересными событиями. Той осенью я впервые отважилась отправиться на фестиваль овец и шерсти, который проходил в Вермонте. Позвонила по номеру, указанному в программе, чтобы задать интересующие меня вопросы. Ответившая женщина была довольно дружелюбна и вскоре уже предложила мне остановиться у нее дома на выходные. «Все равно я буду все время на ярмарке, – сказала она, – так что дом будет в твоём полном распоряжении».

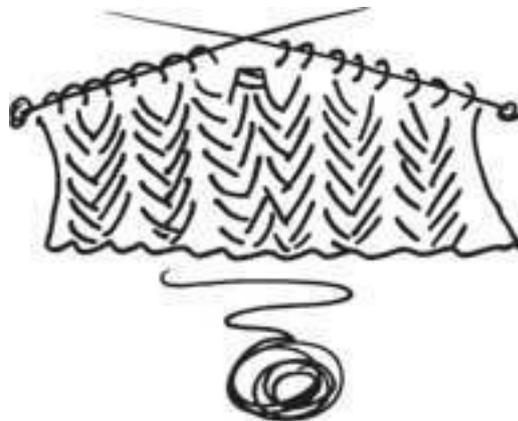
Вязание вложило в мои руки идеальную призму, через которую можно увидеть весь мир.

Я отказалась, полагая, что она вполне может оказаться тем самым человеком, у которого в холодильнике лежат дохлые кошки. Но добравшись наконец до ярмарки, увидела, что там царило такое же дружелюбие. Никто не знал, кто я и чем занимаюсь, они просто были – или, по крайней мере, казались – искренне добрыми.

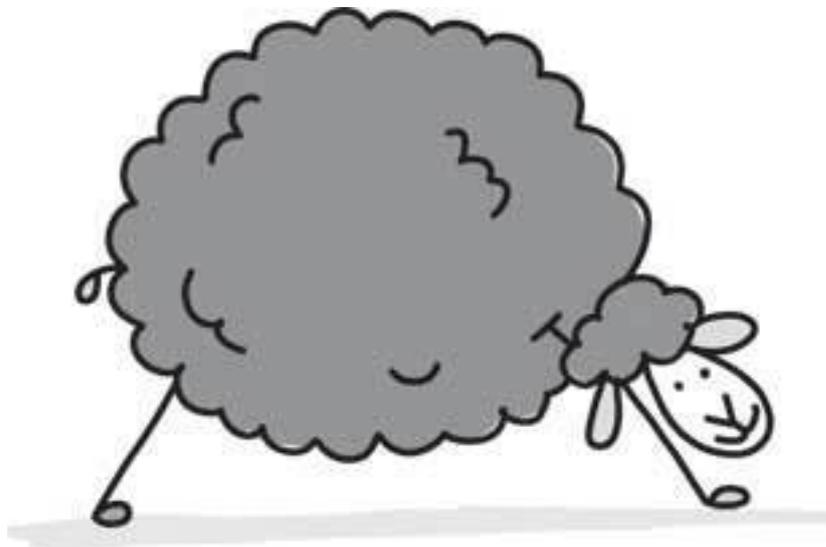
Им не терпелось поделиться своими историями, ответить на мои вопросы и дать советы. Такой обмен информацией заряжал энергией. Мне все это так понравилось, что я поехала еще на один фестиваль, а потом еще на один, и еще.

Вязание вложило в мои руки идеальную линзу, через которую можно увидеть весь мир. Я намотала тысячи километров за те пятнадцать лет, что пишу обзоры для Knitter's Review, ведь практически каждые две недели либо приезжала в новый город, либо уезжала из него. Никогда целью моего путешествия не были головокружительные небоскребы или пафосные залы заседаний совета директоров. Я отправлялась в магазин пряжи, на прядильную фабрику, фестиваль овец и шерсти, ну или, может, в гостиницу или на ярмарку, захваченную, пусть и временно, вязальщицами. Каждое мое путешествие по-своему уникально, но главная цель – всегда одна. Я стала проповедником пряжи, я путешествую в поисках своей паствы.

Рассказы в этой книге относятся к тому времени, когда интернет был еще в зачатке, а рассылки по электронной почте, такие как мои, – невиданным ранее способом донести информацию и создать сообщество, которое мы считали небольшой онлайн-группой вязальщиц. Это истории наших встреч, людей и мест, важных событий и легенд, которые сыграли жизненно важную роль в динамично развивающейся культуре вязания.

В погоне за легендой в Таосе

Однажды, много лет назад, Луиза Гелентер выбирала продукты на ужин в магазинчике в Таосе, штат Нью-Мексико. И где-то в овощном отделе вдруг почувствовала, что кто-то стоит прямо у нее за спиной. Отойдя в сторону, она продолжила делать покупки, но тот человек снова подкрался к ней сзади. В раздражении она перешла к другой полке. Когда таинственный преследователь приблизился к ней вновь, Луиза обернулась и рявкнула: «Ну что надо?» Едва она успела произнести эти слова, как осознала, что перед ней – Джулия Робертс. Кинозвезда и заядлая вязальщица оказалась большой поклонницей творчества Луизы и просто постеснялась представиться.

Кто знает, как все было на самом деле, но именно эту историю любила рассказывать Луиза. В мире пряжи Луиза Гелентер стала легендой. Используя только воду и отборные минералы, насекомых, шкурки, ветки, корни, листья, лепестки и порошки, а еще знания, полученные в Боливии в начале 1970-х годов, она могла превратить натуральные волокна, такие как обычная шерсть и мохер, в яркую волшебную пряжу для вязания, ткачества и прочих творческих занятий. В конце концов ее пряжу стали производить на прядильной фабрике, но в самом начале всю пряжу она доверяла лишь узкому кругу проверенных прядильщиков, которые создавали роскошные, живые, насыщенные цветом мотки, единственные в своем роде. Одежда, связанная из такой пряжи, стоила целое состояние и была достойна любой красной дорожки.

В 1974 году Луиза открыла магазин под названием La Lana Wools, он помещался в старой студии Берта Филлипса¹ в центре Таоса. Как Филлипс превратил Таос в место притяжения для художников, так и Луиза – для любителей натурального крашения. Как ткачи гобеленов стекались в Таос, чтобы поучиться у легендарной Рейчел Браун, так с конца 1970-х до начала этого века La Lana была местом паломничества для всех, кто интересовался натуральными красителями или пряжей натурального крашения.

Пряжа у Луизы была настолько оригинальной, что на ее фоне прочие магазины продавали спряденный эквивалент лапши быстрого приготовления. Большая часть пряжи производилась небольшими партиями из волокон, окрашенных естественным способом, которые смешивали и скручивали вручную в неповторимые мотки особенного качества. Они продавались

¹ Берт Филлипс (1868–1956) – американский художник, живший в Таосе, Нью-Мексико. Известен своими картинами, изображавшими коренных американцев.

на вес, как золото, – по 30 граммов. Производство каждого мотка состояло из многочисленных операций и требовало много времени – и, соответственно, высокой цены за такую работу, – поэтому она не имела конкурентов на этом рынке.

Такая одежда была способна сокрушить любого нерешительного человека.

Я приехала на Таосский фестиваль шерсти, и тогда впервые увидела La Lana. Октябрь в Нью-Мексико – это время чили, воздух был наполнен уникальным ароматом чили, который обжаривают на гриле на открытом воздухе. В горах Сангре-де-Кристоуже начинали опадать листья, но в городе все еще цвели розовые мальвы и русский шалфей, приятно контрастируя на теплом фоне глинобитных стен.

Фестиваль проходил в парке Кит Карсон в центре города. Там широким кругом, словно караван фургонов переселенцев в конце дня, располагались прилавки избранных продавцов. В середине круга дуэт скрипки и гитары наигрывал мелодии, а люди танцевали на траве. Обстановка была волшебной.

La Lana в тот год не участвовала в фестивале, как я подозреваю, по той простой причине, что магазин располагался совсем рядом с парком. Поэтому я, следуя зову сердца и долгу, покинула фестивальную площадку, перешла через дорогу и через маленький дворик и зашла в La Lana.

Едва переступив порог, я оказалась словно в магазине готовой одежды. Это было похоже на трейлер с гардеробом для съемок экзотического фильма – фантазийные текстурированные жилеты и туники, нечто среднее между индейскими гобеленами и церемониальными одеяниями. Такая одежда сокрушила бы любого робкого человека. Эти произведения искусства требовали величия. Ходили слухи, что по крайней мере одно из них принадлежало Джулии.

Дальше комната переходила в пространство, которое я не могу описать никак иначе, как храм пряжи. В комнате была массивная стена с окнами на север, сохранившаяся с тех времен, когда здесь находилась студия Филлипса. Но теперь вместо красок на холсте свет из окна освещал шедевр Луизы: струящийся водопад из множества сплетенных вручную мотков взрывного цвета и текстуры, нечто, не похожее ни на что, когда-либо виденное мной. Блестящие мохеровые пряди мерцали на фоне матовых шерстяных волокон, которые, казалось, все еще находятся в процессе скручивания. Это настолько потрясло, было необыкновенно и впечатляюще, что оставалось лишь замереть на месте и ахнуть от изумления. Это место заставляло говорить шепотом.

Я лишилась дара речи. Все, что смогла, так это сделать украдкой пару снимков, купить несколько мотков пряжи и потихоньку выскользнуть из магазина. После того как я написала об этом визите в Knitter's Review, я получила письмо от Луизы, и мы понемногу начали вежливую переписку.

Несколько лет спустя я вновь поехала в Таос, специально, чтобы повидаться с Луизой. Я писала книгу «The Knitter's Book of Yarn» и хотела узнать больше о внутренней кухне производства пряжи. По счастливой случайности у Луизы уже была собственная прядильная фабрика. В 1991 году она вместе с двумя деловыми партнерами запустила производство шерсти в долине Таос. Одним из ее партнеров по бизнесу стал Роберт Доннелли – ветеран индустрии, которого сама Луиза представляла всем как своего гуру во всем, что касается пряжи. «Он может рассказать тебе все», – говорила Луиза. Мне как раз нужно было знать все, поэтому, когда нас пригласили в Нью-Мексико на свадьбу дальнего родственника, я тут же написала Луизе по электронной почте и договорилась о встрече.

Мы приехали в город всей своей семьей. Когда все отправились в гостиницу, я поехала в La Lana, чтобы нанести, как я думала, короткий визит. На этот раз я подошла к женщине

за кассой, представилась и сказала, что хотела бы увидеться с Луизой. Чтобы утихомирить бабочек в животе, я сделала вид, что изучаю корзину с красителями.

Позади раздался зычный голос. Казалось, все расступились – если не физически, то энергетически – перед невысокой, коренастой, немолодой женщиной, которая только что вошла. Сделав глубокий вдох, я улыбнулась и протянула ей руку для приветствия. Но Луиза ее не пожалала. «Не, – покачала она головой. – Ты не Клара. Слишком молодая».

Я не настолько хорошо ее знала, чтобы понять, серьезна она или нет, но выглядела она рассерженной. Вся моя уверенность куда-то испарилась, внезапно я почувствовала себя маленьким ребенком, выскочкой. Ей было, наверное, за шестьдесят, она уже стала легендой, у нее даже были свои помощники и протеже, которые выполняли тяжелую работу. Луиза приняла меня за кого-то равного ей, хотя на самом деле я была только в начале пути.

Мы исправили ситуацию небольшой беседой ни о чем, и она показала свой магазин. Вспомнив, зачем я пришла, она спросила: «Поедем к Роберту?» Фабрика находилась за городом. Туда можно добраться только на машине, объяснила она. «Есть машина?» Я промямлила, что машина припаркована возле отеля, это прямо напротив...

«А, черт с ней, – она покачала головой, – я поведу».

Не так я себе все это представляла.

Мы сели в древний Volvo, мне пришлось осторожно разгрести заднее сиденье. Машина была как помойка. Не такая помойка, как в телешоу «В плену ненужных вещей», а своего рода хаотичная свалка, которую можно представить в машине Джексона Поллока.² Среди пустых пластиковых бутылок и поцарапанных кассет валялось что-то вроде сувениров со скотного двора, оставшихся от ее экспедиций по сбору ингредиентов. Я представила, как Луиза резко тормозит на обочине дороги, хватается ведро, ныряет в чашу и торжествующе выходит оттуда с теми самыми веточками, которые так необходимы для получения насыщенного оранжевого, медного или красного цвета. То, что нам кажется высохшим валежником, для нее – палитра с красками.

Мы медленно выехали из города, все дальше и дальше, пока вокруг не развернулась пустыня. Как раз в тот момент, когда я начала думать, а не следовало ли захватить с собой сумку с одеждой, мы приехали в Арройо Хондо, где и свернули с основной дороги.

В окружении одиночных трейлеров, заборов из колючей проволоки, брошенных машин и лающих собак стояло маленькое, неприметное здание. Двери были открыты, а изнутри доносился оглушительный шум. Это была фабрика.

Едва мы вошли внутрь, как в нос ударил невыносимый запах ланолина, смешанного с замасливателем³ для пряжи. Само помещение было довольно маленьким, размером примерно с мой гараж, места хватало лишь для основного оборудования. Первое, что я увидела, были бобины. Корзины с пустыми бобинами, корзины с полными бобинами, бобины на полках, бобины в картонных коробках. Мужчина с черными волосами, собранными в красивый конский хвост, отправлял аккуратные пучки волокон на ленту конвейера, которая вела к чесальной машине – огромному механизму с вращающимися цилиндрами. Я ахнула, когда легкая пена волокон рекой хлынула с другой стороны машины прямо на бетонный пол. Внезапно меня охватило непреодолимое желание лечь на пол, чтобы волокна падали на меня, – но я не поддавалась искушению.

Прядильная машина стояла без дела, длинный ряд пустых бобин на ней был словно в ожидании. Чуть дальше я увидела тонкие полоски белого волокна, которые с шумом затягива-

² Джексон Поллок (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

³ Замасливатели – многокомпонентные составы, включающие минеральное масло, эмульгаторы и антистатические вещества, а также добавки, придающие волокнам определенные технологические свойства.

лись в какую-то хитроумную зеленую штуковину, а с другой стороны струились, словно мягкое мороженое, в высокое цилиндрическое ведро.

Но что-то пошло не так. Пожилой мужчина в серой футболке щелкнул выключателем, приподнял крышку и вытащил несколько волокон. К нему подошел другой человек, с седой бородой и в бейсболке с надписью Miller Racing, и они стали внимательно изучать этот маленький комочек волокна; оба показывали на что-то, потирали волокно кончиками пальцев, качали головами.

Должно быть, они о чем-то договорились, потому что мужчина в бейсболке сунул волокно обратно в машину, закрыл крышку и снова щелкнул выключателем. Заметив нас, он улыбнулся и подошел. Это был Роберт.

Он устроил мне краткую экскурсию по фабрике. Я уже видела чесальную машину, которая, как объяснила Луиза, играла ключевую роль в ее экспериментах с крашеной пряжей. Чем лучше удавалось контролировать волокна на входе, тем уникальнее были результаты на другом конце, когда наступало время для намотки волокон. В тот момент я не совсем понимала, о чем речь, но с готовностью кивнула.

Другая прядильная машина была в движении, нити медленно ползли через высокие валики к прутьям, подвешенным над машиной, затем через ряд роликов, где однониточная пряжа наматывалась на бобины. Рядом змеилась пряжа вверх от конусов, еще через один прут, через несколько петель, соединялась с другой нитью, а затем они вместе наматывались на большую бобину, уже как крученая пряжа.

Роберт прокричал объяснение сквозь шум, но, честно говоря, зрелище, звуки и запахи были настолько ошеломляющими, что я едва его слышала. Просто понимала, что влюблена в это место.

Наконец мы прошмыгнули в заднюю дверь и уселись на белые пластиковые садовые стулья, стоявшие в грязи. Луиза и Роберт сидели, прислонившись спиной к стене, глядя в вечернее небо. Там, где вода уже начала размывать глинобитную стену, виднелась крупная галька.

Луиза курила. Я задержала дыхание, пока ветер не переменялся, затем быстро наполнила легкие чистым воздухом, пока дым вновь не окутал меня. Я наблюдала, как сигарета становится все меньше и меньше, пока – фух! – она не погасила ее. Возможно, меня даже спрашивали, не возражаю ли я, если она закурит, но после нашего неудачного старта я определенно не собиралась говорить Луизе Гелентер, чтобы она НЕ курила. Мы сидели и разговаривали о пряже – о современном состоянии мира вязания, о производстве отечественного текстиля, о судьбе крупных фабрик по всей стране. Роберт поработал на многих из них и был свидетелем их упадка. А теперь он управлял лишь малой толикой того, к чему привык, обслуживая совсем другую аудиторию. Вместо того чтобы впахивать по десять часов в день для удовлетворения ненасытных appetитов производителей футболок или полотенец, он прядл небольшие партии шерсти для ткачей, вязальщиц и фермеров-любителей, которые заботились о чистоте породы своего стада и знали каждое животное по имени.

На фермах в этом регионе традиционно разводили овец породы навахо-чурро, альпак и лам, и даже ангорских коз – животных с длинной, прочной шерстью. Роберт построил здесь прядильную фабрику с оборудованием, которое было тщательно подобрано и настроено для обработки именно такой шерсти. А еще он делал пряжу для Луизы.

Когда я заговорила о своей страсти к шерстяной пряже отдельных пород овец, Роберт лишь покачал головой. На протяжении многих лет он обращался к нескольким ассоциациям, занимающимся разведением различных пород, и пытался уговорить их объединить свои волокна и прясть из них особую пряжу. Но тогда, в 2006 году, это еще никого не интересовало. Оказывается, Роберт был человеком, опередившим свое время.

Всякий раз, когда разговор затухал, Луиза доставала очередную сигарету. Роберт, чьи пожелтевшие усы свидетельствовали о том, что он курил всю свою жизнь, предпочитал грызть

семечки подсолнуха, выплевывая шелуху на ладонь, а затем роняя ее на землю. Время от времени он шелкал очередную семечку, и они уже вдвоем начинали рассказывать еще одну историю – в основном о людях, которых я не знала, но они полагали, что я их знаю. Мои навыки ведения интервью были все еще ужасны, и я так стремилась произвести на них впечатление, доказав, что я не та выскочка, какой меня считала Луиза, что не осмелилась показать глубины своего невежества.

Нельзя сделать хорошую пряжу из плохой шерсти, – объяснил он, а затем добавил: – А вот сделать плохую пряжу из хорошей шерсти можно.

Однако рассказы Роберта о том, как делать пряжу, стали ориентиром для меня на долгие годы. Он говорил о важности качественной шерсти. «Нельзя сделать хорошую пряжу из плохой шерсти, – объяснил он, а затем добавил. – А вот сделать плохую пряжу из хорошей шерсти можно». А от кого зависит это плохое или хорошее? От людей, которые управляют прядильным оборудованием. «И еще, – сказал он, – всегда забирай очесы.⁴ А то их продадут кому-нибудь».

Наконец солнце скрылось за горизонтом, а собаки по соседству перестали лаять и начали выть. Моя семья наверняка уже беспокоится обо мне, пора было уходить. Мы попрощались; у кресла Луизы осталась куча окурков, у кресла Роберта – горка шелухи, у меня – исписанные страницы в записной книжке.

Моя книга о пряже вышла полтора года спустя, а инструкция по вязанию митенок с использованием пряжи Луизы *Maine Morning Mitts*, доступная для бесплатного скачивания, пользовалась ошеломительным успехом.

Для меня эти митенки были данью уважения красоте разноцветной пряжи Луизы, как вязанные украшения для рук. Я уверена, что она была довольна и горда, но и слегка раздражена тем, что по инструкции требовался лишь один моток.

Время от времени мы с Луизой переписывались по электронной почте. Когда она добавила меня в друзья на Facebook, я поняла, что прошла проверку. Обычно она оставляла комментарии под моими постами, что-то вроде вопроса о ковре на заднем плане фотографии, которую я сделала. А когда она стала пересылать мне электронные письма с заголовками типа «Fwd: Fwd: КАК МАЛЫШ ОБНИМАЕТ СОБАКУ... ПРОСТО БЕСЦЕННО», я наконец-то стала другом.

Шли годы, и мир вязания менялся. Чтобы оставаться на плаву, уже было недостаточно тщательно выстроенных отношений с редакторами журналов, как и Джулии Робертс в качестве клиента. Заработал сайт Ravelry, и примерно в то же время массово стали появляться так называемые инди-дизайнеры. Вместо того чтобы получать указания от редакторов, какую пряжу использовать, и угождать рекламодателям, эти дизайнеры выбирали, что хотели – чаще всего самую дешевую пряжу, которую только удавалось найти, или ту, которую им предлагали бесплатно. Это было не в духе Луизы. Она уже стала прожженной бизнесвумен, и раздавать пряжу просто так сомнительным незнакомцам было не в ее характере.

Одновременно с инди-дизайнерами появились инди-красильщики, заполонившие рынок необычными, пригодными для машинной стирки шерстяными изделиями в электрических, кислотных цветах, которые мы шутя называли не иначе как «клоунская блевотина». В этом цирковом балагане не нашлось места едва уловимым естественным оттенкам. La Lana осталась местом паломничества для странствующих вязальщиц, но со временем они уносили оттуда все меньше и меньше мотков в своих сумках.

Говорят, что самое трудное для музыканта – играть тихо, и это тем более верно для красильщиков. И хотя Луиза заработала свою репутацию благодаря пряже живописных оттен-

⁴ Очесы – остатки, отходы при чесании, очесывании хлопка, шерсти, льна и т. п.

ков, теперь она экспериментировала с самыми интригующими и необычными нитями в своей карьере, которые также оказались наименее известными.

Страстный экспериментатор с целой прядильной фабрикой в своем распоряжении, Луиза транслировала идею использования минимума цвета, чтобы дать определение пустого пространства с другой точки зрения.

Если раньше она смешивала цвета в расчете на ручное прядение, то теперь делала это прямо в прядильной машине, наслаивая окрашенное волокно вручную, с различной интенсивностью, поверх неокрашенного волокна, когда оно входило в чесальную машину. Она намекала на это во время моего визита, когда мы осматривали чесальную машину. Как только у меня в руках оказался моток этой пряжи, я все поняла.

Дело в том, что чесальная машина для изготовления текстиля – это то же самое, что сито для просеивания муки, – жизненно важный первый шаг в создании сцепления без комков. Она создана, чтобы смешивать. Но Луиза и Роберт старались разобраться, когда и как добавить цвет таким образом, чтобы он оставался отчетливым на протяжении всего чесания, прядения (той зеленой машины, которая создавала Роберту проблемы) и финальной намотки. Это самая сложная и трудоемкая вещь, которую только можно представить, это можно осуществить, только если лично контролировать процесс на прядильном оборудовании – либо у вас должны быть прекрасные рабочие отношения с тем человеком, который умеет это делать. Нужно взломать машину, единственное предназначение которой – смешивать, обманом заставив ее деликатно выполнять свою работу. По большому счету, Эйсаку Норо из Японии – еще один уникал, кому это удалось.

Результаты были слишком поразительны для полного забвения. В мотках белоснежных пушистых одиночных нитей при более пристальном рассмотрении обнаруживалось легкое присутствие цвета, отчетливо различимого вплоть до отдельных волокон. При вязании цвет набирал глубину и яркость, а затем постепенно угасал. Это выглядело так непринужденно, так легко, что, возможно, в этом и была проблема. К тому времени ожидалось, что La Lana останется своего рода музеем красивой разноцветной пряжи ручной работы. А здесь же практически не было цвета, и это было непревзойденное мастерство. Но этого оказалось недостаточно.

Говорят, что самое трудное для музыканта – играть тихо, и это тем более верно для красильщиков.

В феврале 2012 года пришло известие, что La Lana закрывается. Это был конец целой эпохи. «Преданные клиенты, на которых можно было рассчитывать, что они выложат пару сотен долларов на шерсть и прочие материалы, почти исчезли, – сказала Луиза в интервью Taos News. – К тому же я старею. Как и все мы».

Появилась целая команда новых красильщиков шерсти, которые использовали природные красители. Некоторые учились у Луизы, иные лишь только слышали ее имя. И если Луиза научилась ремеслу в Южной Америке, эти новички обрели свое призвание в таких местах, как Индия и Япония. У них были блоги, поклонники на Ravelry и магазины на Etsy.

Когда La Lana закрылась, а Луиза сняла вывеску из-за отсутствия продаж, это было, словно Джорджия О'Киф⁵ вышла за покупками, а вернувшись, обнаружила, что все остальные художники и художественные галереи покинули Нью-Мексико, оставив ей лишь груды холстов, несколько старых номеров журнала Knitter's Magazine и немалую задолженность по аренде.

Оказалось, после объявления Луизу завалили сообщениями и заказами на оставшиеся товары. «Так грустно, что мы закрылись», – написала она мне. Что ж, мне тоже грустно... Она объяснила, что по-прежнему будет заниматься крашением пряжи для частных клиентов, и я

⁵ Джорджия Тотто О'Киф (1887–1986) – знаменитая американская художница, одна из основателей американского модернизма. Вторую половину жизни прожила в Нью-Мексико.

поставила в уме галочку, чтобы попросить ее об участии в моем проекте под названием «Большой белый тук». Пообещала оповестить всех знакомых о распродаже и пожелала ей удачи.

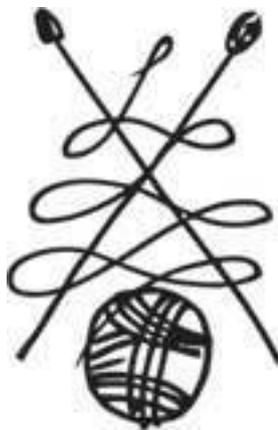
Позже, в июле, она прислала мне короткое электронное письмо по поводу пряжи, которую я недавно упомянула в Knitter's Review. Очевидно, некто aquí en Taos⁶ (хотя Луиза родилась и выросла в Нью-Йорке, она частенько переходила на испанский в письмах) планировал открыть магазин пряжи с тем же названием, что и ее пряжа. «Это не создаст мне проблем?» Я всегда теряюсь, когда меня спрашивают о том, что находится вне сферы моей компетенции, поэтому так ничего ей и не ответила.

8 декабря 2012 года я узнала, что Луиза умерла.

Мелани Фалик, которая провела с ней довольно много времени, когда писала свою знаменитую книгу «Вязание в Америке», позже рассказала мне, что у Луизы обнаружили рак. У нее остался сын Аарон, который работает водопроводчиком в Санта-Фе.

Наверху, в моей студии в пристройке, рядом с первым изданием книги «Принципы вязания на спицах»⁷ и потрепанными книгами Барбары Дж. Уокер находится мой алтарь Луизы. На нем – несколько мотков ее пряжи, которые я так и не набралась смелости использовать. Каждый раз, когда пытаюсь придумать подходящий проект, голос Луизы останавливает меня. «О Боже! Опять варежки!» Она неодобрительно качает головой. «Ты что, хочешь смешать меня с какой-то Cascade 200? Ты совсем ку-ку?»

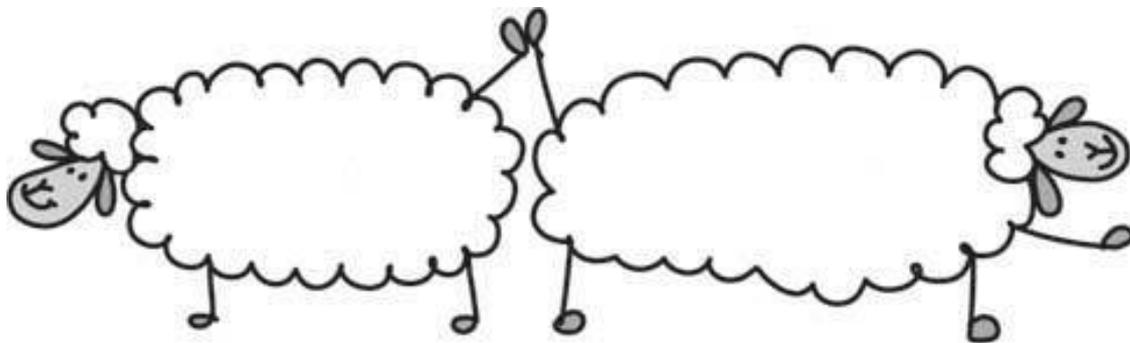
После смерти Луиза Гелентер стала одной из тех неординарных личностей, о которых рассказывают истории у того самого пресловутого костра. Молодежь кивает, изо всех сил стараясь представить и понять. Но им никогда не удастся уловить, насколько потрясающей, вызывающей благоговейный трепет была ее работа. Луиза была то что надо – из тех людей, кто способен в мгновение ока лишить дара речи даже гламурную голливудскую суперзвезду.

⁶ Здесь, в Таосе (исп.).

⁷ Книга вышла в ЭКСМО в 2019 г.

От бейсбола до Бродвея

«Большое яблоко»⁸ – вяжем пробный образец

Конференции по вязанию прежде славились тем, что, как правило, проходили где-нибудь в Атлантик-Сити, или в Окленде, или даже на каком-нибудь малолюдном горнолыжном курорте Верхнего полуострова Мичигана в межсезонье. И очень редко они проводились в таких местах, которые можно было бы назвать люксовыми. Обычно в тех гостиницах был бесплатный трансфер до аэропорта, ужасно медленные лифты и вестибюли, пахнувшие бассейном.

Но когда в 2011 Vogue Knitting совместно с Vogue Knitting LIVE заявили об участии в этой эстафете, особым предметом гордости стало то, что впервые конференция состоится в городе, который более всего ассоциируется с этим журналом и по сути со всем, что носит название Vogue: Нью-Йорке.

В начале января на целых три дня мы собрались в отеле Hilton Midtown между 53-й и 54-й Западными улицами – рядом с Таймс-сквер, всего в одном квартале от Пятой Авеню и в пешей доступности от урхоловского безумия красок в Музее современного искусства.

Были приглашены все самые знаменитые вязальщицы – от Дебби Столлер, редактора журнала BUST и автора «Stitch'n Bitch», и Мег Свонсен, легендарной дочери не менее легендарной Элизабет Циммерман, которая к тому же была одной из первых медиа-персон, до Стефани Перл-Макфи – автора двух бестселлеров по версии New York Times и, возможно, единственной ныне живущей женщины, которая может заполнить целый конференц-центр вязальщицами носков. Они собрались там, а еще почти все те писатели, дизайнеры и мастера, которых я знала и которыми восхищалась, – итого 50 преподавателей и более 250 классов. Это было то еще действо – невиданное ранее, самое прекрасное – зрелище, вызывающее благоговейный трепет.

Вместо сотрудников, вечно жующих жвачку, делающих ошибки в твоём имени и ужасающихся, из какого далека мы прибыли («Ого! Мэн? Ну надо же!»), здесь были строгие швейцары, ряды лифтов и сверкающие мраморные полы, которые выглядели так, словно их только что надраили ледовым комбайном. Среди всего этого царил до нелепости неуместный, но бесспорно таинственный дух вязания.

На стойке регистрации лежали мотки пряжи. У главных дверей, выходящих на Шестую Авеню, гордо висела огромная гламурная вывеска.

Само мероприятие являлось трехдневным воплощением идеи «Построй его, и он придёт».⁹ На торжественное открытие собралось более 2500 студентов и 6000 посетителей

⁸ Альтернативное название Нью-Йорка, известное во всем мире.

⁹ Цитата из классического американского фильма 1989 года «Поле мечты». Главный герой, идущий по своему кукурузному полю, слышит голос: «Построй его, и он придет». Он строит бейсбольное поле, и на нем появляются призраки давно умерших игроков в бейсбол. Фраза стала знаменитой и часто означает, что если создать нечто, то люди будут это использовать и платить

ярмарки. Многие приехали издалека, радостно взволнованные поводом отважиться на поездку в Нью-Йорк. Некоторые пришли из соседних особняков, жилищных кооперативов и кондоминиумов. Они явились, словно супергерои на сигнал Бэтмена вязания.

Некоторые были завсегдатаями – из тех, кто может наизусть на одном дыхании перечислить названия всех конференций, которые посетили за последние двадцать лет. Это вязальные фанатки, которые коллекционируют имена и опыт.

«Честно говоря, – могла сказать одна из них, – мне не так уж и понравилось размещение на Stitches East ¹⁰».

Ее подруга перебивала: «Но там же был шведский стол...»

«Да, ты права, – отвечала она, – неплохо было. Но вот плата за парковку! Настоящий грабеж среди бела дня!» Они обе согласно кивали и, скрестив руки на груди, разглядывали комнату гостиницы, где вечером будут обсуждать новые впечатления.

Для кого-то это было впервые. На моем семинаре по пряже присутствовала одна элегантная, одетая в меха дама. Она носила бриллиантовые серьги размером с бассейн и никогда раньше не слышала слова «пряжа» – да так и не поняла мое объяснение – «та, кто занимается ручным прядением». Тем не менее, она была вязальщицей, из тех, кто обладает тонкой интуицией, кто, вероятно, был научен еще в раннем возрасте матерью (или няней) и теперь занимается этим инстинктивно. Она знала как, а я могла научить ее почему – например, почему для этой изящной плиссированной юбки, которую она как раз собиралась вязать, нужна именно смесовая шелковая пряжа.

Это было то еще действо – невиданное ранее, самое прекрасное – зрелище, вызывающее благоговейный трепет.

Эти мероприятия больше всего напоминают наши собственные университеты с преподавателями и официальной учебной программой. Поскольку у нас недостаточно финансовых возможностей, чтобы создать постоянное место для подобного обучения, появился этот бродячий цирк экспертов, которые кочуют из города в город, от мероприятия к мероприятию, волоча за собой чемоданы на скрипучих колесиках, набитые контрольными образцами. Вместо пылесосов или энциклопедий мы продаем знания и умения, приобретенные за десятилетия работы.

Наши занятия охватывали все: от кос и эстонских кружев до рантов, двустороннего жаккарда и, в моем случае, пряжи.

Некоторые посещали целые курсы, чтобы изучить лишь один узор; прочие же сосредоточились на технике и теории.

Все это было вдохновением. Мы учили, что можно делать эти вещи у себя дома, воплощать свою мечту с уверенностью. Ведь сделав нечто, не подозревая, что способен на это, начинаешь чувствовать себя на несколько сантиметров выше после победы. Кто-то бегают марафоны, чтобы ощутить это, кто-то вяжет. А кто-то, как Сьюзи Хьюэр,¹¹ бегают марафоны и вяжет, устанавливая рекорды Гиннеса.

В нашем уютном пузыре было легко забыть, где мы вообще находимся или что в этом отеле есть и другие люди. Одна только поездка на лифте – и этого достаточно, дружеская улыбка, взгляд на мой бейджик, удивление, более пристальный взгляд, восклицание: «Вязание, да?», неловкое молчание до тех пор, пока они не выходят на своем этаже.

Вязальщицы, как медсестры и библиотекари, похоже, обречены на стереотипы. Как заметила Стефани Перл-Макфи, в Северной Америке больше вязальщиц, чем игроков в гольф. Мы представляем один из крупнейших потребительских сегментов населения. И все же на нас про-

за это – т. е. предложение создает спрос.

¹⁰ Ежегодное масштабное мероприятие на Восточном побережье США.

¹¹ Сьюзи Хьюэр в апреле 2013 года приняла участие в Лондонском марафоне и связала шарф длиной 2,1 метра. В настоящее время этот рекорд побил Дэвид Бэбкок, который связал 4-метровый шарф во время марафонского забега.

должают навешивать ярлыки и считать слабыми и комично непутевыми. Когда стало известно, что Хил-лари Клинтон станет бабушкой, оппоненты предложили ей уйти из политики, чтобы сидеть дома и вязать для малыша. И в нашей культуре не существует более явного штампа, чем две спицы и клубок пряжи.

Но к вечеру субботы в «Большом яблоке» нас уже было не остановить. Мы подчинили отель своей воле. Выдрессировали официантов, барменов и горничных. Не трогать шаль, которая мешает застелить постельное белье. Принести еще воды во все классы. Проверить, чтобы было достаточно льда. Когда я говорю «Танкерей и тоник», то имею ввиду pronto.¹²

В тот вечер, когда мы, вальяжно расположившись в вестибюле, вязали, выпивали и болтали, я заметила какое-то волнение рядом. Прибывали новые гости – элегантные люди в костюмах, зимних пальто, шубах. Они шли группами, демонстрируя уверенность, которая наводила на мысль, что именно они, а не мы, были хозяевами этого места.

Входившие не обращали внимания ни на наши вывески, ни на прилавки с пряжей, ни на нашу вальяжность, в то же время и большинство вязальщиц не обращали никакого внимания на них. Какой-то человек с огромным фотоаппаратом снимал этих людей, пожимающих друг другу руки.

Я вышла, чтобы пойти поужинать вместе со Стефани. Она стояла в окружении своих фанатов, как раз рядом с группой прибывающих гостей. Подойдя к ней, я мельком взглянула на этих модников. Почтенный пожилой джентльмен встретился со мной взглядом. Я улыбнулась, и он подмигнул мне.

Позже я узнала, что обменялась улыбками с Уилли Мэйсом, самым титулованным ныне живущим игроком в истории бейсбола. Он приехал в Нью-Йорк на церемонию вручения ежегодной премии Американской ассоциации писателей о бейсболе, которая проходила в тот вечер где-то в недрах нашего отеля. Sports Illustrated описал бы события того вечера как «величайшее собрание звезд бейсбола в одном месте», за исключением Матча всех звезд. И это происходило одновременно с величайшим сбором звезд вязания в одном месте.

Интересно, на что была бы похожа Американская ассоциация писателей о вязании. Где бы мы устраивали банкеты? И кого бы приглашали? У нас нет недостатка в дизайнерах, людях, обладающих потрясающим умением переносить творческое видение в цифры и схемы. Но у нас, в мире вязания, гораздо меньше писателей с большой буквы.

Естественно, там была бы Стефани, как и Дебби Столлер. Джун Хеммонс Хайатт получила бы пожизненное членство за свою работу «Принципы вязания на спицах». Конечно же, посмертные почести воздадут Ричарду Ратту за его «Историю ручного вязания» и Элизабет Циммерман за... ну за все, что она сделала. Авторы романов Энн Худ и Дебби Макомбер тоже будут членами клуба с карточками. Быть может, я бы подергала за нужные ниточки и раздобыла бы почетное членство для историка Лорел Тэтчер Ульрих за ее вдохновляющую работу «Век ручного прядения».

И в нашей культуре не существует более явного штампа, чем две спицы и клубок пряжи.

И это всего шестеро ныне живущих, не считая меня. Об отеле «Хилтон» можно не думать, для встреч нам вполне хватило бы и столика в забегаловке. В забегаловке типа той, куда я пошла обедать на следующий день.

Занятие было таким долгим, что мой мозг начал плавиться, а это обычно означает, что пора пройтись и проветриться. Я стремительно удалялась от отеля вниз по 47-й Западной улице, пока не дошла до старой доброй замызганной забегаловки, первой, что попала на глаза. В телевизоре на стене громко вещал новостной канал Fox News, и мужчина, сидевший

¹² Быстро, немедленно (исп.).

за стойкой через несколько стульев от меня, неодобрительно хмыкнул. «Конечно, здесь всегда крутят эту чушь, – проворчал он. – Вон все ведущие – на той стене».

Я обернулась и улыбнулась.

И обратила внимание на фотографии с автографами, висевшие в красивых рамках на стене, – все знаменитости канала Fox News.

Мы разговорились, и он спросил, откуда я родом. Услышав про Мэн, он принялся перечислять все морские прогулки вдоль побережья, которые совершал вместе со своей женой. «У нас было, дай-ка подумать, семнадцать круизов, – сказал он. – Мы побывали в Новой Англии, на Карибах, на Панамском канале, в Европе...» И стал считать, загибая пальцы. Когда я призналась, что ни разу не была в круизе, он начал советовать, какие круизные линии лучше, какие экипажи, какие лайнеры лучше, и где меньше вероятность сесть на мель или подхватить дизентерию.

Единственным фактом, указывающим на то, что этот пожилой мужчина, любитель круизов и хорошо прожаренного хэша из солонины, не простой посетитель, было обращение к нему официантов – не иначе как по фамилии с благоговейным «мистер» перед этим.

«А вот и мой звукорежиссер!» Он вдруг поздоровался с кем-то за моей спиной. «Давай к нам, дружище!» – добавил он, указывая молодому веселому парню на свободное место между нами. Нас представили друг другу. Они работали над бродвейским шоу, которое только что открылось в соседнем театре. Здесь было их тихое убежище для обеда, надежно скрытое от туристов, слоняющихся в поисках чизкейков по Таймс-Сквер.

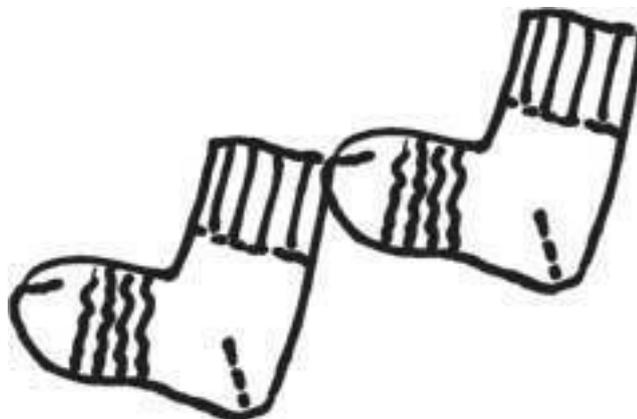
В этот момент вошел еще один человек, элегантно одетый, необычайно красивый, с энергичной походкой и той необъяснимой харизмой, которая заставляет пялиться, не отрывая глаз. Мне представили его как звезду этой постановки, танцора, сделавшего себе имя в одном очень популярном телешоу, которое я не видела. Никогда раньше не слышала его имени.

«Ну, а что вас привело в Нью-Йорк?» – спросила звезда.

Хотелось бы сказать, что сейчас я репетирую в Карнеги-холле, выступаю где-нибудь или, возможно, записываю новый альбом. Я понимала – в тот момент, как скажу правду, что я здесь на конференции – подумать только! – по вязанию, они в осадок выпадут. Опять повторится та сцена в лифте, предательская неловкая пауза, а затем они найдут предлог, чтобы по-быстрому слинять.

Но случилось нечто неожиданное. Когда я ответила, звукооператор расплылся в улыбке, повернулся на стуле и приподнял штанину, показав манжету идеально выполненного и явно связанного вручную носка.

«Я сказал маме, что мне больше не нужны никакие другие подарки. Только носки!»

Бойкие клубочки и крутые тачки

Лос-Анджелес

Лос-анджелес, город грез, где пальмы и красивые люди нежатся в лучах солнца 365 дней в году. Лос-Анджелесу не близка культура шерсти, ну, наверное, за исключением угг. Это не то место, где можно ожидать встретить вязальщиц в большом количестве.

Но в 2011 году, после успешной премьеры в Нью-Йорке, Vogue Knitting LIVE расширил сферу своего влияния до Лос-Анджелеса. Это был тест, как наша приземленная, радостная реальность столкнется с вечно молодой иллюзией Южной Калифорнии. Как жительница штата Мэн, я с радостью воспользовалась возможностью погреться в сентябре на солнышке – в последний раз перед наступлением зимы. Это одна из многих причин, по которой я и почти сотня других лекторов, сотрудников и волонтеров ответили согласием на приглашение.

На целых три дня мероприятия нашим домом стал отель Hyatt Century Plaza в форме полумесяца. Это здание – идеальный образец архитектуры 1960-х годов, с балконами, идущими вдоль каждого этажа, как оборки на юбке танцовщицы фламенко. Оно было построено, как и вся остальная часть Сенчери-Сити, на 73 гектарах бывшего участка студии 20th Century Fox. После открытия в 1966 году отель сразу же стал рассадником голливудского гламура – и оставался таким плюс-минус до падения Берлинской стены.

Мы относимся к тому виду, который сам по себе не создает толчеи, подобно стайке щенков корги или дюжине ряженных Элвисов.

Перенесемся в 2008 год, когда новые владельцы попытались вывести обветшавшее к тому моменту здание из нищеты. Но в дело вмешалось местное сообщество по сохранению памятников архитектуры, и в конце концов все планы по сносу отменили и начали реконструкцию более гуманным, щадящим способом.

Всего через девятнадцать месяцев после операции по спасению отеля его захватили мы, вязальщицы. Нашим такси и микроавтобусам приходилось протискиваться сквозь стройные

ряды сверкающих Ferrari, которые парковались перед отелем все выходные напролет. К нам тут же устремились мужчины в строгих костюмах, чтобы поприветствовать. У них были наушники с витыми полупрозрачными проводами, заправленными под воротники.

Время от времени один из них что-нибудь бормотал в лацкан пиджака. И хотя они по большей части вызывали машины из гаража, в воображении возникали образы сотрудников секретной службы во время президентских визитов. Здесь останавливались президенты Джонсон и Никсон, а Рональд Рейган был таким частым гостем, что пока он занимал высокую должность, отель прозвали «западным Белым домом».

Но это было очень давно. А на эти короткие выходные почетными гостями стали вязальщицы. Поначалу такая двойственность выглядела слишком сложной для понимания. Казалось, весь вестибюль из полированного мрамора и мерцающего стекла заполнен гламурными женщинами, ковыляющими в туфлях на невероятно высоких каблуках; их оголенные ноги выглядели отфотошопленными даже при дневном свете. На них не было шерстяной одежды, а в сумках – в которых едва помещалась губная помада и сотовый телефон – не было пряжи. Но, заглянув вглубь вестибюля, я заметила начальную стадию вторжения вязальщиц.

Когда хотя бы две вязальщицы оказываются вместе в общественном месте, происходят удивительные вещи. Одинокая вязальщица – предположим, женщина средних лет – быстро сливается с общим фоном, как пальма в горшке или скромная кормящая мать. Мы – культурная метафора невидимости, об этом прекрасно знала сама Агата Кристи, когда вручила мисс Марпл спицы и пряжу. Можно ли придумать лучший плащ-невидимку, чтобы, укрывшись им, наблюдать за злодеяниями мира? Одинокая вязальщица – это эвфемизм от «не на что тут глядеть, проходите мимо».

Но стоит только вязальщицам собраться вместе, как мы необъяснимым образом начинаем привлекать всеобщее внимание. Мы относимся к тому виду, который все прочие люди не привыкли наблюдать в стаях, подобно стайке щенков корги или дюжине подражателей Элвиса, ожидающих лифта.

И здесь, в вестибюле отеля Century Plaza, люди уже начали сбиваться в стаю. Прекрасно отлаженный социальный механизм отеля «видеть-и-быть-увиденным» начал давать сбой, так как прохожие замедляли ход, чтобы присмотреться. Здесь, всего в нескольких шагах от Голливуда, самые обычные люди с радостью занимались чем-то совершенно обычным, и никому из них и дела не было до того, что думает остальной мир.

Это мероприятие было меньшего масштаба, чем на Восточном побережье, всего лишь чуть более пятидесяти классов и лекций. Но в списке приглашенных присутствовали такие звезды, как Мег Свонсен, Ники Эпштейн и Салли Мелвил. Тут была и Дебора Норвилл, заядлая вязальщица и ведущая Inside Edition, она раздавала фотографии и автографы. В «Комнате для новичков» работала Вики Хауэлл, в то время ведущая телешоу Knitty Gritty. На ярмарке представляли свои товары более семидесяти пяти поставщиков, крупных и не очень.

Я приехала, чтобы провести мастер-класс и рассказать о свойствах волокна и составе пряжи. В то время все мои интересы были сосредоточены исключительно на шерсти. А так как Южная Калифорния не славится богатой культурой шерстяной пряжи, слушателей у меня было немного. Занятия проводились в переоборудованных номерах отеля, где вместо кроватей стояли фуршетные столы и лишь изголовья, намертво прикрепленные к стенам, напоминали об основном назначении номера отеля. В одном классе было всего трое смелых, замечательных учеников. Мы сидели в крошечной комнате с видом на трубу вентиляционной шахты, и я провела лучшее занятие в своей жизни.

В обеденный перерыв самые отважные любители приключений проходили мимо очереди в ресторане отеля, проскальзывали мимо сверкающих Ferrari и, ловко маневрируя среди дорожного движения Лос-Анджелеса, перебежали дорогу, чтобы посетить помпезный торговый центр под открытым небом. Магазины там выходят прямо на террасы с мягкими диванами и

шезлонгами для отдыха, открытые всем стихиям. Был сентябрь, повсюду уже стояли готовые к использованию обогреватели. Неудивительно, что город замирает, когда идет дождь.

Застекленный роскошный фудкорт был переполнен. Я выбрала ресторанчик, где подавали рамен, и встретила здесь с владелицей магазина пряжи Lorna's Laces Бет Кейси и ее мужем, они приехали из Чикаго. Мы сидели на открытом воздухе и загорали, как делают все жители Восточного побережья, когда внезапно появляется солнце.

Общую безмятежность время от времени нарушали уборщики, которые изо всех сил старались опередить голубей. Едва освобождался столик, как тут же начиналась гонка, кто быстрее. Голуби всегда побеждали, бешено хлопая крыльями и разбрасывая на тротуаре жареный рис, корки от пиццы и остатки увядшего салата.

Потом я забежала в Bloomingdale's, где некоторое время вертела в руках кошелек, который стоил больше, чем весь мой заработок за выходные. Затем вернулась в свой номер, чтобы немного вздремнуть перед очередными семинарами, презентациями, пробежками по рынку. Со своего балкона я могла лицезреть лоснящиеся тела у бассейнов внизу. За гаражами и офисными зданиями передо мной расстилалось ровное море Западного Лос-Анджелеса. Где-то слева, всего в километре, виднелись крыши, под которыми кинокомпания Fox Studios творила свое волшебство.

Разные журналы ориентированы на разные аудитории, некоторые нацелены на техники, иные – на простые проекты для начинающих. На протяжении многих лет в Vogue Knitting на первом месте были модные тенденции и демонстрация вязаных работ известных дизайнеров, таких как Перри Эллис, Кельвин Кляйн и Миссоны. Как и полагается, в субботу вечером, после окончания всех мастер-классов, участники мероприятия собрались под шатром в голливудском стиле на торжественный вечер с презентацией Каффе Фассета¹³ и последующим показом мод.

Хотелось бы рассказать вам, как это было незабываемо, как мне понравились речь Каффе и представленная одежда, но правда в том, что я пришла слишком поздно и мне не хватило места. В конце концов я прошмыгнула через служебный вход и присоединилась к друзьям за ужином. Одна из них, парикмахер-стилист на телевидении и в кино, номинированная на премию «Эмми», в то время работала на популярном телешоу. Она развлекала нас байками о том, как выглядит настоящий голливудский мир, когда камеры не снимают. Где-то между закусками и первыми блюдами из ниоткуда раздалось сопрано, исполняющее в какую-то арию. Наш официант наклонился и прошептал: «Не волнуйтесь, так у нас каждую неделю».

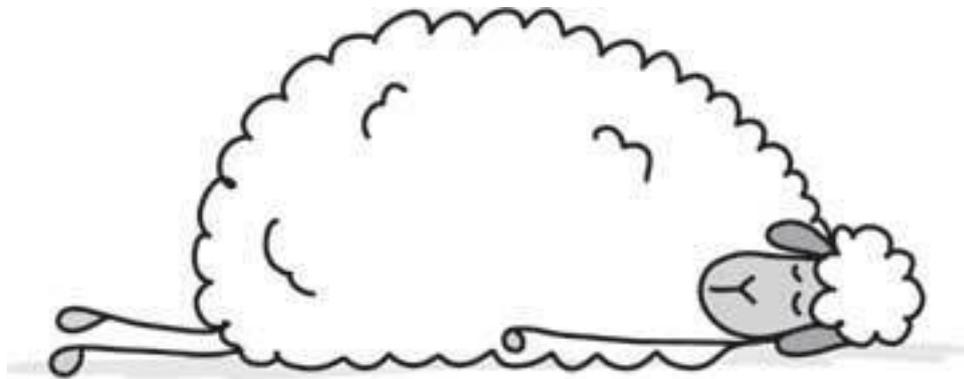
Все закончилось в 16:30 воскресенья, и тут же стали убирать все декорации, словно ждали сигнала, что пора закругляться. Плакаты сорвали, а манекены из черного бархата раздели догола, сняв с них вязаную одежду. Продавцы так быстро упаковывали товары, что некоторые даже не удосужились заклеить коробки скотчем или снять бейджи. Они стояли на обочине, в тени всех этих Ferrari, охраняя свой скарб в ожидании, пока им подгонят машину из гаража.

Я нашла тихое местечко и вытащила вязание. За другими столиками тоже еще оставались вязальщицы. Теперь на нас уже не пялились так пристально. Когда тот самый красивый молодой официант-тире-начинающий-актер принес мне джин с тоником, он обратил внимание на мое вязание. «Тут все выходные работал огромный магазин», – начал он, на случай если вдруг я пропустила все это. «О, знаю, – сказала я. – Он уже закрылся. Скоро все уедут». Его лицо вытянулось. «Я заметил там такие клевые вещички, но мне нужно было отработать свою смену». Он замолчал и оглянулся на еще одну вязальщицу. «Как думаешь, а у нас тут есть такие магазины, где я мог бы... ну... типа... научиться, как такое делать?»

¹³ Каффе Фассет – знаменитый американский дизайнер, художник, известен красочными работами в стиле пэчворк, многоцветными вязаными изделиями.

Нагая лопи

Путешествие вязальщицы в Исландию

Меня предупреждали насчет наготы. Это же Исландия, в конце концов, страна викингов, вулканических горячих источников и точных копий Клаудии Шиффер. Если ты ростом метр семьдесят пять и весом не больше пятидесяти двух килограммов, с идеальным цветом лица и телом, не подверженным влиянию гравитации, почему бы не раздеться догола и не прыгнуть в бассейн?

Этот примечательный пункт как-то затерялся в увлекательном недельном плане путешествия среди обнимашек с пряжей и боданий с овечками, и я позволила себе не думать, что рано или поздно это должно произойти, как удаление того самого зубного нерва, из-за которого приходится жевать на одной стороне.

Вот так, сонная, но переполненная оптимизмом, ясным сентябрьским утром я приземлилась в Исландии, как раз когда солнце едва выглянуло из-за горизонта. Сразу после прохождения паспортного контроля я попала в объятия Рагнхейдур Эйрикسدоттир,¹⁴ которая более известна американским вязальщицам как Рагга. На протяжении нескольких лет эта харизматичная женщина – преподаватель вязания, дизайнер, а еще медсестра психиатрического отделения, популярная журналистка, ведущая на радио и телевидении и просветитель в вопросах сексуального воспитания – приводила постоянный поток вязальщиц на свой остров. Наконец, после более года ожидания, настала моя очередь.

Довольно скоро мы уже были в пути, яркий утренний свет подсвечивал трещины на лобовом стекле машины Рагги. На зеркале заднего вида болтался крошечный свитер ручной вязки – исландская версия «пушистых игральных кубиков» или освежителя воздуха с запахом сосны.

Аэропорт находится почти в пятидесяти километрах к юго-западу от Рейкьявика. На самом деле никакого города там нет. Просто аэропорт, открытое пространство и ощущение, что приземлился на отдаленной заставе. Неподалеку я заметила унылую группу приземистых зданий – представьте, что ИКЕА спроектировала тюрьмы 1970-х годов, – которые оказались старой базой НАТО. Когда базу закрыли, взлетно-посадочная полоса стала новым аэропортом.

Практически половина острова – это поля из лавы, а дорога в Рейкьявик проходит прямо через них. Гладкая полоса асфальта тянется через нечто, похожее на противень с шоколадными пирожными, которые кто-то пытался разрезать, прежде чем они остыли. То тут, то там, тонкий слой неоновато салатного мха оживлял пейзаж.

Когда ландшафт изменился, я поняла, что приехала в Рейкьявик, и на меня не снизошло прозрение. Лишь чуть больше машин, дорожных знаков и зданий. На перекрестках появились

¹⁴ Ragnheiður Eiríksdóttir.

светофоры. Слева от нас, рядом с заводом по производству майонеза, располагалось предприятие по переработке бекона, или, как сказала Рагга, – фабрика сэндвичей с беконом. Справа показались возвышения аккуратных, ухоженных жилых комплексов, чуть более веселая, более зеленая версия Дейли-сити, мимо которого проезжаешь по пути в Сан-Франциско.

И тут я увидела высокий зазубренный шпиль – нечто среднее между мормонским храмом и ледяными пещерами в оригинальном фильме про Супермена. Это была лютеранская церковь – самая большая в Исландии и шестое по высоте архитектурное сооружение в стране, ее строительство началось в 1937 году и завершилось в 1986 году. Когда находишься в Рейкьявике, то быстро привыкаешь ориентироваться по шпилю.

Рагга сказала мне, что это Хадльгримскиркья.

«Как-как?» – переспросила я.

«Хадльгримскиркья», – медленно произнесла она.

Я попыталась повторить звуки, которые только что слетели с ее губ. Она рассмеялась, покачала головой и повторила: «Хадль... грим... скир... кья...»

У меня хороший слух, и я полагала, что смогу выучить несколько ключевых слов, чтобы было проще общаться. Но ошиблась. Исландский язык – эта великолепная, богатая, сложная, абсолютно непролазная мешанина древнескандинавских звуков – уходит корнями к первым поселенцам острова в девятом веке. Смутно знакомые гласные и согласные перемежаются гортанными звуками, тихим свистом и раскатистыми трелями – звуками, которые, кажется, невозможно издавать человеческим ртом. А на письме он выглядит так, будто кошка случайно прошла по клавиатуре.

В итоге я все восемь дней пыталась правильно произнести «спасибо» – þakka þér, не просите меня повторить это еще раз, – так и не получив хоть малейшего признания. Ближе всего к успеху я была, произнеся фразу, которую можно перевести, грубо говоря, как «я тупой турист».

В ожидании поездки у меня были некоторые опасения, в основном потому, что Рагга неожиданно пропала на несколько недель.

Я пребывала в полной неизвестности, где буду жить, и встретит ли она меня, и вообще – состоится поездка или нет. В самый последний момент она закидала мою электронную почту сообщениями, но я все еще не знала, где остановлюсь. В гостинице? На диване? В кровати с одним из моих студентов?

Но новости были хорошими. Рагга проводила меня в квартиру на верхнем этаже своего дома, всего в нескольких шагах от церкви Супермена. Каждые пятнадцать минут звонили колокола, часто напоминая нам, что мы куда-то опаздываем. Внутренние часы Рагги никуда не спешат.

В общем коридоре царил характерный затхлый запах разнообразных жизней. Странные специи, масла, духи и еще один аромат, в котором я в конце концов опознала запах ног. Рядом с каждой дверью стояли небольшие полки для обуви. Некоторые были пусты, другие – переполнены. Я представила себе, как зимой здесь громоздятся высокие кучи ботинок и сапог. На каждой лестничной площадке окна с кружевными занавесками позволяли заглянуть в мир задних двориков – на террасы, балконы и дворы, которыми пользовались довольно редко.

Было еще рано, не пробило и восьми утра. Оставив мои вещи, мы обогнули здание и сели на скамейку перед любимым кафе Рагги, до открытия которого оставалось несколько минут. В такое время здесь в основном были сонные школьники, их родители и коты. Много котов. Глазеющих на нас из-под машин. Греющихся на солнышке. Неспешно прогуливающих по тротуару. Вызывающе подергивающих хвостами в нашу сторону. В Рейкьявике коты повсюду. Сидя на этой скамейке, я узнала еще кое-что – оказывается, Рагга не страдала метеоризмом, это слишком большое количество серы в системе водоснабжения города. Весь Рейкьявик пахнет – ненавязчиво, периодически, бесспорно – тухлыми яйцами.

Листья только начинали опадать, и в воздухе ощущалась та самая осенняя прохлада, как в начале учебного года. К декабрю у них останется всего четыре часа и семь минут дневного света – у нас же в распоряжении будет целых шестнадцать часов. Во время пребывания в Исландии я поймала себя на том, что снова и снова возвращаюсь к мысли: «На что похоже это место зимой?» Представляла улицы, окутанные мраком и снегом. Должно быть, это идеальное место, куда можно прийти после тяжелого расставания, затаиться и предаться своему горю. Затем наступает лето, и к июлю придется столкнуться с противоположной проблемой: Исландский солнце, которое никогда не заходит. Оно просто переходит в режим сумерек на несколько часов, а затем вновь поднимается над горизонтом.

Исландский язык – эта великолепная, богатая, сложная, абсолютно непролазная мешанина древнескандинавских звуков. На письме он выглядит так, будто кошка случайно прошлась по клавиатуре.

Вот кафе открылось, и мы перекочевали внутрь. Меню было непостижимой головоломкой. Я не нашла ничего, что можно было бы, если убрать точки и закорючки, определить как «ка-пучино». Смотреть на цены также не имело смысла, поскольку 1 króna равнялась примерно 0,00886 доллара США. Выбрав что-то наугад, я спросила у Рагги, вкусно ли это что-то. «Конечно! Ага!» – сказала она. Стоило это что-то 500 krónur.¹⁵ Мой брат предупреждал меня, что в Исландии все дорого. Никогда раньше я не платила 500 чего-бы-то-ни-было за кофе, но мой мозг, затуманенный сменой часовых поясов, был неспособен производить математические вычисления.

Мы сидели за столом, переделанным из старой ножной швейной машинки. Рагга пододвинула к себе поднос с лаками для ногтей, которые предоставлялись всем посетителям кафе. Я видела это в ленте Instagram у некоторых туристов. В ожидании заказа она намазывала что-то горчишно-желтое на свои короткие ногти. Играла музыка, и время от времени кто-нибудь подходил к проигрывателю, чтобы поменять пластинку. Мы прослушали Talking Heads, Дебби Харри, а потом – The Beatles. Я разглядывала длинные ноги в разноцветных колготках и ботильонах на невероятно высоких каблуках – обычная обувь большинства женщин в этом городе, – как за другими столиками они покачиваются в такт музыке.

Эти люди совсем не походили на тех, кого я обычно встречаю в своем городе, даже в любимой инди-кофейне. Это были великолепные, элегантные, искусно созданные представители рода человеческого. Нежные вкрадчивые голоса, эффектная внешность – женщины выглядели как шведские супермодели, получившие Нобелевскую премию, а мужчины – как реинкарнация викингов, но в джинсах в обтяжку и высоких кроссах Converse. И неважно – кто это был, какими бы лохматыми ни были волосы, какими бы геометрическими ни были очки, – на всех была одежда из шерсти. Не из нежной и тонкой итальянской шерсти, а из толстой, грубой, исландской, связанной в объемные свитера. Такой свитер называется lopapeysa, и это национальное достояние. У каждого есть хотя бы один – и у грузчиков, и у мусорщиков, и у матерей, у хипстеров и стариков. Я не встречала собак в подобных свитерах, но это еще ничего не значит.

Было бы гораздо романтичнее считать, что лопапейса существует со времен викингов, но этот культовый стиль на самом деле был изобретением двадцатого века. Никто точно не знает, как именно это началось, но толстый свитер с красочным рисунком вокруг кокетки, а иногда вокруг талии и рукавов, стал популярным в 1950-х, примерно в то же время, когда мои бабушка и дедушка впервые ступили на этот остров.

Бабушка словно обезумела от этой шерсти и набила свой чемодан доверху готовыми свитерами и мотками исландской шерстяной пряжи, из которой навязала своим внукам удиви-

¹⁵ 3,5 доллара США.

тельно грубые, колючие лорареусы – множественное число от лорареуса. Один из таких свитеров она носила каждый день, несмотря ни на что, независимо от времени года. Даже в старости это была такая постоянная часть ее гардероба, что систематически приходилось штопать манжеты из-за ее навязчивого чесания запястий. Я чуть было не привезла один такой свитер с собой в Исландию, но решила не рисковать, чтобы не потерять его. Лорареуса стал символом национальной гордости после экономического краха Исландии в 2008 году. К тому времени, когда я оказалась там в 2012 году, они были повсюду.

Подождав, пока высохнет лак на ногтях, и хорошенько заправившись кофе, мы с Раггой отправились на пешую экскурсию по городу. По узким улочкам Laugavegur и Bankastræti мы зигзагами перебежали от витрины к витрине. Казалось, Рагга знакома со всеми, кто встречался нам на пути. «Мой двоюродный брат», – говорила она, махая рукой какому-то мужчине на другой стороне улицы. «Мы давно знакомы» – это еще о ком-то. «Это известный модельер», – указывая она на женщину, с которой мы столкнулись у входа в какое-то здание. Или – «это сестра моего бывшего мужа». Я пошутила, что она похожа на мэра Рейкьявика. «Не, он гораздо круче», – сказала Рагга. – Он участвовал в нашем последнем гей-параде, разодетый в пух и прах».

Можно было подумать, что автомобили тут никуда не торопятся. Они останавливались, как овцы, чтобы уступить нам дорогу. Как бы, наверное, растерялся исландец, столкнувшись с водителями – сигналищими, эгоистичными, нетерпеливыми – в столице какого-нибудь штата в США.

Я спросила, далеко ли мы ушли от дома, и Рагга ткнула пальцем в табличку с названием, судя по всему, нашей улицы. Там было написано Skólavörðustígur. Я даже не стала просить ее произнести это слово и не стала записывать. Зазубрила наизусть первую часть «Skóla», а остальную часть слова произносила, добродушно подшучивая сама над собой, как плохая пародия на шведского повара из «Маппетов».

Невозможно себе представить, насколько зашкаливает наш индикатор опасности, пока не попадешь в такое место, как Исландия. За все время пребывания там я видела только одного полицейского.

Ну да, на стенах и заборах действительно были граффити, но это всегда было яркое и красочное художественное украшение. А подростки с пирсингом, вчетвером перегородившие весь тротуар, все же расступились, пропуская меня.

Рагга привела меня на рынок на нашей улице, чтобы запастись продуктами. Как много можно понять о каком-либо месте по продуктовым магазинам. В Исландии больше всего удивляет отдел с бутилированной водой – я имею в виду, что здесь такого не найдешь. Покупать бутилированную воду в Исландии – все равно что ехать в Поланд-Спрингс, штат Мэн, где разливают одноименную питьевую воду из источника, и отказываться пить из-под крана.

Вместо этого я взяла упаковку Mjólk¹⁶ к чаю, помечтала в отделе выпечки, а возле полки со Skyr – местными кисломолочными продуктами – у меня буквально челюсть отвисла от богатства выбора. Это до неприличия прекрасное, исконно исландское изобретение выдает себя за процеженный йогурт, но для всего прочего мира на вкус больше напоминает свежие сливки. Я подседа на него еще в Штатах и захватила с собой непристойно много баночек, просто потому что была возможность.

Поездка в Исландию была рассчитана всего на восемь дней – путешествие всей моей жизни, которое представлялось как Исландский Опыт Клары Паркс. На самом деле это означало, что мне нужно провести два трехчасовых семинара о пряже и шерсти, Рагга проведет один трехчасовой семинар про лорареуса, а затем наша группа соберет свои пожитки и отправится в сельскую местность, где мы все вместе будем просто туристами, которые устраивают

¹⁶ Молоко (исл.).

коллективные обнимашки с пряжей и глазают на овец. Нас было всего шестнадцать человек, включая Раггу и ее ангелоподобную помощницу Фанни. Из всей группы я была знакома лишь с двумя участниками благодаря выездному семинару Knitter's Review. Но больше никого не знала.

Большинство были родом из Соединенных Штатов и демографически представляли группу женщин в возрасте за пятьдесят. Некоторые пытались преодолеть проблему опустевшего гнезда или недавнее вдовство, старое девичество и вечный вопрос Пегги Ли: «Неужели это все?»¹⁷ Исландия была главным пунктом в списке наших желаний.

Все остальные члены группы жили в хостеле ниже по склону холма, недалеко от моей квартиры. Компании незнакомцев надо было решить: кому достанется настоящая кровать, кто будет спать на диване и кто сможет притвориться, что его меньше всего беспокоит этот выбор. Нэнси, эмигрантка из Нью-Джерси, живущая в Торонто, бросила лишь один взгляд на жилье и тут же потребовала, чтобы Рагга нашла ей пристойную гостиницу.

Наши семинары должны были проходить в нескольких минутах ходьбы от дома, на побережье в тусовочном местечке под названием КЕХ, которое оказалось одним из лучших хостелов мира.

Достаточно обшарпанный вестибюль напоминал Центральный вокзал для хипстеров – и буквально на прошлой неделе в библиотеке прошел импровизированный концерт Патти Смит и Рассела Кроу. На следующий день после моего приезда, еще до знакомства с остальными членами группы, Рагга повела меня туда пообедать. Она посмотрела через мое плечо, улыбнулась и прошептала, что тут известная исландская группа Sigur Rós дает интервью иностранной прессе.

Невозможно себе представить, насколько зашкаливает наш индикатор опасности, пока не попадешь в такое место, как Исландия.

В компании подходящего человека, знающего и имеющего обширные связи, как Рагга, например, лучше всего получается прочувствовать дух города. В Исландии любят туристов, особенно теперь, когда они сыграли такую важную роль в восстановлении экономики. Но не пытайтесь переехать туда навсегда. Исландия воздвигла невообразимые, дорогостоящие и трудоемкие преграды для постоянной иммиграции, в том числе полную проверку криминального прошлого по базе ФБР. Как бы ни была традиционно трудна иммиграция, культурная ассимиляция еще сложнее. Моя подруга Анна родилась в крошечном исландском городке, ребенком переехала в Соединенные Штаты, а когда предприняла попытку вернуться обратно в подростковом возрасте, была полностью отвергнута обществом. Каким бы печальным ни был для нее этот опыт, она все же безудержно гордится своим исландским наследием. В том, чтобы держать незваных гостей подальше от рая, нет ничего нового.

Моя подруга Беттина рассказывала то же самое про Южную Каролину. «Они любят тебя, это правда, – говорила она, – пока не переедешь туда насовсем». Если подумать, я слышала нечто подобное и о некоторых районах штата Мэн.

Члены нашей группы быстро прониклись симпатией друг к другу, как это бывает у незнакомцев, когда их собирают в одном месте. Проявлялись характеры. Например, Келли, невысокая, веснушчатая, рыжеволосая женщина, с острым как бритва умом и заразительным смехом, стала нашим неофициальным советником по правовым вопросам. После бурной карьеры в Лос-Анджелесе, где она преследовала убийц и наркобаронов, она ушла на пенсию и переехала в Аризону. Мы по очереди проверяли на ней теории, придумывая идеальное преступление, за которое никогда не поймают.

¹⁷ Is That All There Is? – название песни американской джазовой певицы, автора песен и актрисы, номинантки на «Оскар» в 1955 году Пегги Ли (Peggy Lee).

И если Келли была Лорел, то в роли Харди¹⁸ выступала высокая стройная Хелен из Род-Айленда, разведенная, недавно вышедшая на пенсию и всегда, всегда пребывающая в хорошем настроении. Время от времени она незаметно исчезала и фотографировала всякие вещи, которые мы не замечали, а затем с триумфом возвращалась, чтобы показать свои последние фотографии с узорами на окнах, с котами, круассанами из местной пекарни и деталями вязания Jorareysur.

Келли и Хелен образовали группу вместе с Лу, заядлой прядильщицей из Эвансвилла, штат Иллинойс, которая ежевечерне созванивалась по скайпу со своим котом.

В каждой компании есть свой несмышлениш, или даже парочка несмышленишей, а у нас были Кэт и Фрог, молодая пара из Австралии. Это было их первое большое путешествие со своего материка, и их энтузиазм был заразителен. Мне редко доводилось встречать сразу двоих людей, которые всегда рады поучаствовать во всем, в чем можно. Австралийский акцент был очаровательно неразборчивым и вязким. Мне нравилось, как они произносили «низать» вместо «назад». Потерпев сокрушительное поражение в исландском, я принялась подражать их акценту.

Нэнси-из-Торонто-но-родом-из-Нью-Джерси, сначала зарекомендовавшая себя как принцесса на горошине, удивила нас тем, что на самом деле была вполне готова ко всему. В нашу последнюю ночь в Рейкьявике перед отъездом за город мы собрались на ужин в KEX. Рагга как раз закончила давать Нэнси инструкции, как добраться до знаменитого киоска с хот-догами, где ел сам Билл Клинтон (как раз перед операцией на открытом сердце) и где знаменитый повар и путешественник Энтони Бурдэн снимал вечерние серии своей передачи «Без предварительных заказов».

«Обязательно купи хот-дог со всем на свете», – посоветовала Рагга.

Глаза Нэнси сузились: «А что там?»

«Там есть соус с майонезом, и горчица...»

«Нет, нет, – перебила Нэнси, – не надо горчицы».

«А еще кетчуп...»

«Нет. Послушай! – она приготовилась к спору. – Я люблю, чтобы мой хот-дог был разрезан вдоль и чтобы на нем были следы от решетки гриля...»

«Ну, в Исландии такого хот-дога не купишь, – улыбнулась Рагга, – там будет хрустящий жареный лук...»

Нэнси оживилась: «Как луковые кольца?»

«Нет. Как лук, который пожарили».

«Ну, а луковые кольца там есть?»

Было видно, что Нэнси продолжает бороться. Наконец она пожала плечами. «Ну ладно, я все равно попробую. А теперь еще раз – где именно это находится?»

Чуть позже тем же вечером, когда я уже заканчивала последнее занятие, раздался стук в окно.

Шеф-повар вышел покурить, взглянул вверх и увидел северное сияние. Это потрясающее природное явление лучше всего наблюдать в полярных регионах, где ночью становится очень, очень темно – что и делает Исландию лучшим местом для наблюдений.

«Все на улицу! – завопила Рагга. – Урок окончен!» Мы натянули на себя пальто, схватили фотоаппараты и выбежали за дверь. Едва наши глаза привыкли к темноте, как мы увидели в небе волшебную зеленую дымку, как у охотников за привидениями.

В ту ночь я засиделась допоздна, уставившись в окно спальни и созерцая всю эту зелень. Дымка постоянно меняла форму. Сначала был туман, затем отчетливые лучи, затем гигантский

¹⁸ Стэн Лорел и Оливер Харди – британо-американские киноактеры, один из наиболее популярных комедийных дуэтов в истории кино.

пузырь, похожий на подписи под карикатурами. Я попыталась показать это небо по скайпу своей подруге Клэр, но моя камера просто не могла передать всего. Даже наш кот не проявил интереса.

Потерпев сокрушительное поражение в исландском, я принялась подражать их акценту.

На следующее утро пришло время покинуть город, отправиться на север и найти овец. Мы выкатили чемоданы на улицу и сели в узкий автобус, за рулем которого сидел Рейнир, угрюмый молодой человек с детским личиком и начальной стадией пузатости. На нем был темный пиджак с вышитой эмблемой туристической компании.

Первую остановку мы сделали всего в пятнадцати минутах езды от Рейкьявика. Нашей целью был город Мосфедльсбайр и фабрика по переработке шерсти Истекс – это производство пряжи, примерно как шоколадная фабрика у Вилли Вонки. Обычно прядильная фабрика ассоциируется с древними кирпичными зданиями, стоящими на берегу бурной реки, но Истексская прядильня – самая большая фабрика в Исландии, и именно отсюда родом практически каждый моток исландской пряжи – находится в полностью современном здании. Первая прядильня, Álafoss, обанкротилась в 1991 году после девяноста пяти лет работы. Трое сотрудников, работавших на этой фабрике, выкупили компанию (теперь у них есть еще четвертый совладелец) и изменили ее название на Истекс. Они сохраняют за собой 50 процентов собственности, другая половина компании принадлежит Исландской ассоциации овцеводов, в которой в настоящее время 1800 членов, или почти все овцеводы на острове.

Мы шли по чистым светлым коридорам офисного здания в стиле ИКЕА, не совсем понимая, как оно связано с производством пряжи.

Пройдя через несколько тяжелых дверей, все-таки попали на место, которое хотели увидеть больше всего: в прядильню. Здесь стояли древние машины, все еще работающие с оглушающей, завораживающей точностью. У меня было ощущение, что я смотрю на старинный бомбардировщик В-52, который бережно поддерживают в идеальном рабочем состоянии, или на ручную швейную Зингер огромного размера. Запах, который мы учуяли, был вовсе не от шерсти, это была смазка, необходимая для всех движущихся частей.

Мы ошеломленно смотрели на кипы вычищенной исландской шерсти, сложенные от пола до потолка. Это свидетельствовало об объемах производства шерсти в Исландии. В среднем на одной ферме содержится от 300 до 500 овец. Умножьте это на 1800 ферм, которые ежегодно продают свою шерсть на фабрику Истекс, и вы осознаете масштабы этой операции. Конечно, шерсть – это лишь одна составляющая уравнения с овцами, большая и более прибыльная составляющая – это исландские бараньи отбивные, которые можно найти в американских супермаркетах Whole Foods.

Шеф-повар вышел покурить, взглянул вверх и увидел северное сияние.

Но мы были слишком заняты, глаза на гору тюков исландской шерсти. Один из тюков был разрезан, и из него торчал клочок шерсти. Когда наш экскурсовод отвернулся, Рагга схватила этот клочок, выдернула его из тюка и сунула в карман моего плаща. В одно мгновение я превратилась из глупого туриста в опасного преступника. «Тебе еще пригодится», – сказала она.

Наш маршрут по фабрике следовал естественному порядку производства пряжи, поскольку все было устроено так, чтобы волокна можно было последовательно и эффективно перемещать от одной машины или одного процесса к следующему. Мы смотрели, как гигантские стальные крюки поднимают из резервуаров крашеную шерсть, с которой капает краска. Заглянули в комнату, где разноцветные волокна просушивают и разделяют. В основном шерсть лопи лиловых оттенков, цвета вереска, а это значит – то, что нам кажется синим, на самом деле может быть искусной смесью голубого и темно-синего, фиолетового и даже оттенков красного. Именно в этой комнате начинается магия цвета. Затем смешанные волокна транспортируют

к массивным чесальным машинам, которые раздирают их в гладкие простыни разношерстной красоты, после чего, наконец, волокна разделяются на узкие полосы, скручиваются в пряжу и наматываются на длинные катушки. Эти катушки снимают и перемещают на прядильные рамы, где волокна растягиваются и скручиваются уже в настоящую пряжу. Неплотно скрученная пряжа Plötulopi даже не попадает на прядильную раму, волокна просто снимают с катушки и продают как есть.

Гвоздем программы стал новый объект капиталовложений – удивительная роботизированная машина, которая сматывает пряжу в аккуратные клубочки и шмякает их в крошечные колыбели на конвейерной ленте, где мягкие механические руки тянутся вниз и отжимают их. Еще одна пара механических рук поднимает каждый клубок и плотно обматывает его толстой бумажной этикеткой. В конце концов мотки продвигаются по конвейерной ленте к работнице, которая аккуратно складывает их в прозрачные пластиковые пакеты и упаковывает в коробки; они отправятся в магазины пряжи по всему миру. Если вы покупаете пряжу из Исландии, будь то Plötulopi, Álafosslopi, Bulkylopi, Léttlopi или Einband, почти без исключения, она родом отсюда.

Но не все на этой фабрике механизировано. Ближе к концу экскурсии мы подошли к женщине, стоявшей за высоким столом недалеко от чудо-робота. Ее задачей было скручивать готовые мотки вручную, наклеивать на них бумажные этикетки, а затем складывать в аккуратную стопку. И так она стояла, в защитных наушниках, требующихся по технике безопасности, терпеливо выполняя одну из самых монотонных и нудных работ в мире, а мы улыбались, снимали на видео ее грациозные, отточенные движения и подбадривали ее, показывая большие пальцы вверх в качестве универсального знака одобрения.

Уже проинструктированные и готовые тратить, мы добрались до следующей остановки – это был магазин фабрики Álafoss, у реки Варма в старой части города Мосфедльсбайр. Здесь, наконец, увидели живописное старое здание фабрики рядом с журчащим ручьем, со скрипучими деревянными полами и трогательными черно-белыми фотографиями того, как все было раньше. Здание построено в 1896 году. В наши дни это место исключительно для туристов, чтобы тут они попрощались со своими денежками. Наш автобус припарковался на стоянке рядом с неприметной постройкой, в которой находилась студия той самой группы, которую я встретила в KEX чуть раньше на этой неделе – Sigur Rós.

Как только мы перешли дорогу и оказались внутри фабричного магазина, все словно с ума посходили. Нам дали скидку на и без того недорогую пряжу, потом все толпились возле автобуса с огромными сумками, которые нужно было еще умудриться запихнуть в багажный отсек. Однако я осталась самодовольным снобом, думая про себя: «На своем веку я навидалась всякой пряжи. Я выше того, чтобы покупать больше только потому, что попала в заводской магазин и мне дали скидку». И чтобы это себе доказать, ограничилась лишь одним набором круговых спиц из палисандра.

Отсюда мы отправились на север к полуострову Снайфедльснес, и двухчасовая поездка к месту назначения заметно нас утихомирила.

Дорога шла прямо вдоль побережья, а затем нырнула вниз, вниз, вниз на 750 метров под Хваль-фьорд. Двухполосный туннель тянулся почти пять километров. После нескольких легких шуток о клаустрофобии Рейнир что-то пробормотал, и Рагга вытащила микрофон. «Наш водитель только что рассказал, что в прошлом году этот туннель был ненадолго закрыт после взрыва грузовика». Впервые с начала поездки он улыбался.

У нас заложило уши, мы поднимались по дороге вверх, направляясь в более отдаленную, дикую местность. Справа вздымались зазубренные горные вершины, мягкие зеленые склоны элегантно спускались к пенистой береговой линии слева, пейзаж достойный платья от Диор. Внешняя граница Северной Атлантики осталась позади, и теперь перед нами предстал Датский пролив.

Внезапно мы свернули с дороги и въехали на парковку исландского придорожного супермаркета. «Окей, народ! – по громкой связи объявила Рагга. – Так! Это последний продуктовый магазин на довольно долгое время. Если вам нужны продукты для перекуса на следующие несколько дней, то сейчас самое время пойти и купить, что нужно».

Все послушно пошли внутрь, склонив головы перед жестоким ветром и начавшимся дождем. Можно подумать, мы были исследователями труднодоступных мест, готовящимися провести целый год где-то в глуши – настолько оказались завалены наши тележки печеньем, крекерами и чипсами. Прогуливаясь мимо сушеных фруктов, разглядывая консервы, школьные принадлежности и... Я остановилась. Там, в обычном старом продуктовом магазине, был целый отдел пряжи. Не одна-две полки, а полки, стеллажи, корзины и целая стена исландской пряжи всевозможных цветов и толщины, от едва спряденной Plötulopi до пухленькой Álafosslopi, от тяжелой Bulkylopi до более легкой Léttlopi и изящной кружевной Einband.

Внезапно из задней части автобуса донесся крик: «Овцыыыыы!»

Здесь было то же самое, что и в том фабричном магазине. Но что-то в обстановке супермаркета заставило меня уступить. Вересковые цвета внезапно стали изысканными и неотразимыми. Именно тогда я решила, что свяжу маленькое покрывало во время этой поездки, что-то, чем я могла бы укутать колени, вспоминая об этом времени в Исландии. Кэт и Фрог присоединились ко мне, пополнив свои запасы множеством оттенков зеленого для одного проекта, который они планировали связать во время своего путешествия и на самом деле его связали.

«Ты видела этот отдел с пряжей?» – спрашивали мы друг друга в автобусе, раскладывая сумки с печеньем и напитками.

Рагга терпеливо улыбалась.

«Там пряжа!» – повторяли мы, не веря своим глазам.

«В продуктовом магазине!»

«Я ЗНАЮ!»

Тот факт, что цены здесь не имели никакого смысла, делал все это еще более захватывающим. Если у вас нет калькулятора или особых способностей к математике, почти невозможно точно знать, сколько вы только что потратили. Все одновременно казалось удачной покупкой и полным расточительством, ни в чем нельзя было быть уверенными.

Мы мчались вверх по полуострову, убаюкиваемые монотонным вжух-вжух-вжух дворников. Сиденье Рейнира жило своей собственной жизнью. Каждый раз, когда автобус наезжал на кочку – а это случалось все чаще и чаще, – его сиденье высоко подскакивало, а затем снова опускалось, издавая медленное шипение.

Внезапно из задней части автобуса донесся крик «Овцыыыы!» Все незамедлительно повернули головы, чтобы увидеть первую, настоящую, с большой буквы и Исландскую овцу. Там! В дикой природе! Мы вытащили фотоаппараты. Охали и ахали. Именно поэтому мы здесь.

Исландская овца – диковина в современном мире. Ее гены можно проследить до тех самых животных, привезенных на остров первыми поселенцами – викингами – в девятом веке. В то время люди во всем полагались на овец – во всем, что касалось молока, мяса, шерсти и кожи. А те отращивали самые разнообразные шубы с шерстью от тончайшего шелка до длинных, прочных нитей, которые лучше всего использовать для веревок. Все шло от этих овец. Даже паруса на кораблях викингов были сделаны из этой шерсти, которую пряли вручную на веретене.

И когда с конца 1700-х годов все в мире начали «улучшать» свои породы овец, чтобы вырастить более крупные тела и более мягкую, более светлую шерсть, исландские овцы остались нетронутыми. Они меньше, чем среднестатистические коммерческие породы овец с горой мышц, их шерсть все так же состоит из двух различных видов волокон. Толстые, длинные прочные волокна называются tog, и они выступают в качестве подпорок для пряжи, делая ее

прочной и долговечной. Короткие, изысканно тонкие волокна называются thel, они создают воздушный слой изоляции, делая эти прочные и долговечные предметы одежды необычайно теплыми. Исландские овцы все еще отрачивают шерсть в великолепном множестве естественных оттенков далеко за пределами обычного ослепительно белого. Полное отсутствие генетического вмешательства превратило этих овец в своего рода точную капсулу времени девятого века, что, в свою очередь, в наши дни сделало Исландию настолько привлекательным туристическим направлением.

Через несколько минут раздался еще один крик и снова щелканье фотоаппаратов. Потом еще один крик и еще, пока крики не превратились в шутку, потому что овцы были повсюду.

Ландшафт стал бескрайним и изрезанным, не было ничего, кроме приподнятых дорог и ирригационных канав, указывающих, где, вероятно, заканчивается одно землевладение и начинается другое. Независимо от того, куда посмотреть или чья это была собственность, мы видели овец. Везде. Эти пушистые маячки, пухлые маленькие зефирки, словно упавшие с небес, при ближайшем рассмотрении все оказались овцами. Не было никакой логики или смысла в том, где они бродили или как им удалось туда добраться.

Подобно празднующимся подросткам, овцы стояли поодиночке или небольшими группами. Чем отдаленнее была местность, тем более опасливими они были. Поджидали, пока мы не окажемся на расстоянии вытянутой руки, только лишь чтобы развернуться и убежать; их мохнатые зады, покачиваясь и переваливаясь со стороны на сторону, шарахались от нас, пока овцы, не почувствовав себя в безопасности, не останавливались, чтобы обернуться и поглазеть.

Возможно, овцы – самые распространенные животные на острове в наши дни, но прибывшие сюда первые викинги также привезли с собой коз. В конце концов они поняли, что им нужна более калорийная пища, чем та, которую могли обеспечить козы, поэтому овцы завоевали большую популярность. Но козы никуда не делись. На сегодня их самый главный враг – разъяренный фермер, который вовсе не оценит, что его тюки с сеном разворошили и сожрали.

Здесь живет женщина, которая делает все возможное, чтобы сохранить и увеличить местную популяцию коз. Зовут ее Йоханна, мы добрались до ее фермы Háafell как раз перед обедом. В ее стаде сохранились самые древние гены местных коз во всей Северной Европе, восходящие к тем самым ранним животным поселенцев-викингов. Эти козы не только дают мясо и молоко, но и отрачивают – как и их кашемировский родственник *Capra hircus laniger* (кашмирская коза) – нежный подшерсток из необычайно теплых тонких волокон. Стадо пока недостаточно велико, чтобы обеспечить достаточное количество шерсти для производства пряжи, но хозяйка надеется, что однажды это произойдет.

После небольшой прогулки по пастбищу, в время которой Хелен вновь исчезла, чтобы сделать лучшие фотографии, мы собрались на обед в маленьком домике из шлакоблоков. Йоханна накрыла красивый стол с мясным ассорти, тонкими ломтиками черного хлеба, кусочками масла, маленькими порциями козьего сыра, печеньем, йогуртом и кувшином свежего козьего молока. В крошечной вазе стояли розы из ее сада.

Я наблюдала, как наша группа вежливо прошла мимо мясной нарезки и выстроилась в очередь к маслу. С этим маслом мы были похожи на термитов, пожирающих каждую его порцию, куда бы ни пошли. Не знаю, действительно ли это масло было лучше или это был соблазн вдали от дома забыть все диетические правила, но масло в Исландии на самом деле вкуснее, и все были согласны с этим.

А еще мы удвоили потребление печенья в шоколадной глазури, прекрасно стимулирующего пищеварение. Джейн из Сиэтла налила мне тепловатого козьего молока в высокий стакан, и я взяла его с унылой улыбкой. Утренний завтрак, состоявший из сушеной рыбы, вымоченной в масле, и последующая поездка по трясухой дороге немного выбили меня из колеи.

Отгоняя мух с тарелок, мы слушали, как Рагга переводит для Йоханны. У нее не было лицензии на организацию общепита, поэтому она не могла продавать молоко или сыр, кото-

рыми мы угощались. Вместо этого она использовала козье молоко для изготовления собственных домашних средств по уходу за кожей. А это означало, что после обеда мы покорно выстроились в очередь, чтобы купить баночки кремов, лосьонов и мазей, которые обещали восстановить нам молодой цвет лица.

Потом все вернулись в автобус, чтобы еще час потрястись на кочках и добраться до крошечного домашнего магазинчика, которым управляли старые друзья Рагги. Пригнувшись, проходя через маленькую прихожую, я почувствовала затхлый запах и посмотрела направо, где заметила что-то белое в чаше с жидкостью ярко-красного цвета. Свежеотрубленная овечья голова. Из рогов вырезали пуговицы, а что делают с остальным, я не стала спрашивать.

Нам показали изделия ручной работы, такие вещи, как красивые войлочные шерстяные тапочки и резные пуговицы из овечьего рога. Нащупав клочок шерсти в кармане, я взглянула на Раггу. Она подняла бровь и указала под низкую полку в конце комнаты. Мой пульс участился.

Эта ферма была участником небольшого кооператива по обработке шерсти, который мало известен за пределами Исландии. Вместо того чтобы продавать свою шерсть компании Истекс, они все вместе собирают ее и отправляют в тот же самый шерстомойный цех, который использует Истекс, однако технология очистки их шерсти была иной.

Используется вода более низкой температуры, что позволяет сохранить больше натуральных жиров в шерсти. Подозреваю, что «Истекс» промывает волокна при высокой температуре воды, потому что там понимают, и, вероятно, вполне обоснованно, что основные покупатели пряжи не настолько очарованы запахом овец, как некоторые вязальщицы. Но надо признать, что такие слегка промытые волокна дают более нежное, мягкое ощущение, сохраняя при этом и естественный овечий аромат. Эти волокна затем сплетают в пряжу в стиле Plötulopi на заводе Истекс, и любой член кооператива может ее продавать.

Пряжа Plötulopi настолько соответствует вязанию из натуральных овечьих волокон, насколько это возможно. Это едва скрученные волокна, напоминающие пряди волос; обычно их вяжут в две нити. Сама по себе такая пряжа может быть ломкой и нежной, но стоит связать из нее одежду, как получится полотно прочное, как сталь. Остальная исландская пряжа представляет собой привычные нам мотки или клубки, но Plötulopi выходит прямо из чесальной машины в виде дисков или лепешек.

В тот день под прилавком у них нашлось всего несколько кипенно-белых лепешек. Остальные были серыми, шоколадно-коричневыми и относительно редкими угольно-черными. В другой комнате хранились большие сетчатые мешки с вычищенными, непрядеными ровницами для продажи. Довольная, как порывшаяся в помоях свинья, я вернулась в автобус и записала свои сумки в багажный отсек. Справедливости ради я рассказала остальным, почему эта пряжа такая особенная, и не заграбастала ее всю для себя.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы наконец остановились на ночлег в хостеле. До приземистого здания из шлакоблоков доносился раскатистый шум океана. Мы посмотрели в небо как раз вовремя, чтобы застать огромную радугу, непрерывную от гор до воды. Внутри большой радуги появилась вторая.

Свернувшись калачиком на узкой кровати, я хорошо выспалась в ту ночь. Со всех сторон меня окружали успокаивающие звуки хостела: открывающиеся и закрывающиеся двери, приглушенные голоса, шаги по линолеуму. Наши грязные сапоги были аккуратно выставлены в ряд на ковриках перед каждой дверью. Дождь барабанил по крыше всю ночь. Ветер все шумел и пыхтел, но ему не удалось сдуть наш домик.

На следующее утро за завтраком Хелен из Род-Айленда вбила себе в голову, что хочет покататься на одной из знаменитых исландских лошадей размером с пони. Она уже нашла все это на своем iPad. Точно знала название места, расписание, стоимость, в общем все. Ей просто нужно, чтобы помощница Рагги – Фанни – позвонила туда.

«Еще кто-нибудь хочет прокатиться верхом?» – прозвучал вопрос, когда Фанни достала телефон. Какого черта я подняла руку.

И вот наша небольшая группа забралась в автобус, и мы направились к конной ферме, до которой было всего несколько километров вверх по дороге. Для нас оседлали красивых маленьких исландских лошадок и привели их в конюшню, которая была чище, чем дома многих людей. Нас по очереди подводили к лошадям и помогали взобраться.

«Моя двигается! – закричала Нэнси со своей лошади. – Они что, должны двигаться?»

Отъехав всего на пару метров от сарая, Нэнси заявила, что с нее хватит: «Я еще не готова к такому!» И ей повезло, что она отказалась, потому что через несколько минут, как раз в окружении потрясающих пейзажей, кто-то совершил ошибку, предложив перейти на рысь. Так вот, у нормальных лошадей всего три аллюра: шаг, рысь и галоп. Но у исландских лошадей есть два дополнительных аллюра: tölt и skeið. И хотя tölt – якобы очень плавный и удобный аллюр, он также славится своим внезапным ускорением. И мы не собирались переходить на обычную рысь, нет. Мы перешли на tölt.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.